Русская народная игрушка. Художественно-педагогический музей игрушки: Буклет. — М.: Внешторгиздат, [без года издания]. — 48 с.: ил. — 200х185х4 мм, обл. — [На 4-й стр. обл. надпись: ОКМ-НВФ-КП 352] — [Инв. № не присвоен ввиду учета в НВФ] — [Раздел: ДПИ, Художественые промыслы]

На северо-востоке Подмосковья живописно раскинулся на невысоких холмах Загорск — древний русский город со своим неповторимым характером и настроением. Этот чисто местный «колорит» определяется не только прекрасными сооружениями Троице-Сергиевой лавры; город издавна славился на всю Россию своей детской игрушкой, которую мастерили его талантливые жители. Не случайно именно в Загорске находится единственный в стране музей игрушки Академии педагогических наук СССР.

Музей игрушки был основан в Москве в 1918 году Музейным отделом Наркомпроса. Непосредственным инициатором его создания и первым директором стал Николай Дмитриевич Бартрам (1873—1931). Это был одаренный человек, в котором счастливо сочетались способности художника и педагога, организатора и исследователя, теоретика и практика. Живой и общительный, Н. Д. Бартрам сумел собрать вокруг себя многих художников, для которых работа над игрушкой стала любимым делом. Возглавляя музей, он отдавал много сил собирательской работе. За короткий срок по его инициативе сформировалось уникальное музейное собрание. В него вошли частные коллекции, которые начали комплектоваться еще в начале века, экспонаты из крупных музеев страны, национализированных дворцов и особняков, произведения народных мастеров.

В настоящее время коллекция музея насчитывает 30 тысяч экспонатов. Среди них археологические находки, игрушки разных стран и народов, живописные детские портреты XVIII—XX вв., детская мебель, посуда, графика, произведения мелкой пластики из фарфора.

Большой интерес вызывает коллекция русской народной игрушки, которая широко представлена в экспозиции.

В русской игрушке, ее содержании, форме и декоре отразились народные представления о мире, добре, красоте. Одновременно в ней с особой силой проявилась творческая энергия русского народа, его способность скупыми средствами создавать выразительные и одухотворенные образы. Именно поэтому народная игрушка рассматривается как один из равноправных видов народного искусства и как самобытная область русской народной культуры.

Материалы экспозиции относятся в основном к XIX—XX вв. и выявляют не только общие черты этого интересного явления, но и своеобразие отдельных промыслов, разные грани народного мышления и мировосприятия.

Появившись в далеком прошлом, игрушка, как и другие виды народного искусства, долго сохраняла отголоски древнейших представлений и верований. Довольно ярко они проявляются в тряпичных куклах, издавна бытовавших в исконной крестьянской среде. Характерны в этом смысле куклы Курской области, изготовленные в начале нашего столетия. При всей узнаваемости и даже этнографичности костюма они не имеют лица: вместо него — белая гладь мягкой льняной ткани. Еще совсем недавно во многих русских деревнях существовало своеобразное табу. Оно запрещало обозначать на кукле лицо,

чтобы в нее не «вселился» злой дух, который, якобы, мог нанести вред ребенку. В наивном народном суеверии отчетливо слышится эхо далеких анимистических воззрений, когда все происходящее объяснялось действием добрых и злых сил. Здесь очевидна и магическая охранительная функция игрушки, закрепившаяся за ней, как свидетельствуют этнографические и фольклорные источники, с незапамятных времен.

Глубинные пласты народного мироощущения обнаруживаются и в деревянной игрушке русского севера. Женская фигурка, конь и птица, воплощавшие некогда идею жизни, тепла и света, являются ее традиционными персонажами. Выполненные местными виртуозами-плотниками, они отличаются весомыми и значительными формами, напоминающими культовую пластику. Монументальные, слегка обработанные топором женские фигурки, их фронтальная ориентация в пространстве, их «идольские» лики со схематично намеченными глазами и ртом, нарочито выделенная грудь указывают на связь куклы с центральным персонажем языческой мифологии — Великой богиней-матерью, постоянно возрождавшей жизнь и природу.

В отличие от северной игрушки с ее единым стилем и традиционными образами игрушка Поволжья имеет несколько направлений.

Архаичны и в некотором смысле первозданны плоские, с четко обозначенным замкнутым силуэтом деревянные коники-каталки из деревни Лысково Нижегородского края. Эти условные фигурки, где скупо выявлено лишь самое характерное, несомненно восходят к культовым изображениям коня — славянскому символу могущественного солнечного божества. И, видимо, не случайно по когда-то яркому, а теперь потускневшему цветному фону лысковских коников легко и свободно нанесены круги и сегменты — древние обозначения солнечного диска.

Иной характер носит так называемая городецкая топорщина, производство которой началось во второй половине прошлого века в деревнях под Пурехом и Городцом. Великолепны навеянные лихой волжской ямщиной конные запряжки — одиночные, пары, тройки — с нарядными возками, разрисованными роскошными розанами, заимствованными со знаменитых Городецких донец. На облучке возков восседает мощная широкоплечая фигура ямщика, а густочерные, малиновые, бордовые кони с круто изогнутыми шеями передают идею вихря, движения, круговерти. В городецкой игрушке образы не просто выразительны, но жизненно убедительны и реальны. И лишь лучистые розетки, белыми звездочками «расцветшие» на городецких конях, сохранили воспоминание о солнечной символике, свидетельствуя о глубоких корнях народной игрушки.

Житейские, чисто реальные впечатления лежат в основе федосеевских игрушек. Их изготовлением занялись в конце XIX в. ложкари, жившие под г. Семеновым, в частности, в деревне Федосеево. Федосеевские игрушки, крепко сколоченные из гладких, нарубленных топором дощечек, затейливо изузорены легко вьющимся цветочным орнаментом. Эти нарядные «ситцевые» пароходы, баржи, мельницы, балалайки несут на себе яркую печать деловой жизни волжских пристаней и больших торговых сел, шумных нижегородских ярмарок и многолюдных народных гуляний. Но при всей своей городской тематике федосеевская игрушка с ее богатым узорочьем и условной трактовкой образов остается крестьянским искусством, но уже никак не связанным с языком древних мотивов и символов.

Иные грани народного творчества обнаруживаются в игрушке мастеров Сергиева Посада (ныне г. Загорск). Изделия этого крупного в прошлом столетии промысла, возникшего в начале XVII в. на основе богатейших традиций древнерусского искусства, представлены в экспозиции музея довольно широко и разнообразно. Специфика посада, расположенного вблизи знаменитой Троице-Сергиевой лавры, куда шли и ехали богомольцы со всех концов света, определила особую психологию и мироощущение сергиевских мастеров. С редкой готовностью и завидной быстротой откликались они на все, что происходило вокруг, чутко реагировали на спрос и моду, неизбежно испытывая

при этом влияние разных социальных и культурных факторов. Народная картинка и дорогой фарфор, дворянский быт и профессиональное искусство, важнейшие исторические события и происшествия местного значения — все причудливым образом отражалось в их произведениях, рождало неповторимое по содержанию и форме искусство.

Удивительна, прежде всего, экономная и весьма остроумная техника сергиевской резьбы по дереву, отображающая, как в народном искусстве эстетическое совершенство изделий являлось следствием целесообразных технических приемов работы с материалом, глубокого понимания его возможностей. Используя в качестве заготовки трехгранный блок-полено, посадские резчики весьма тщательно работали над верхней его частью, «моделируя» важные, на их взгляд, детали фигурок: шляпы, кивера, перья, ленты, эполеты и др. При этом нижняя половина блока лишь слегка обрабатывалась крупными широкими срезами, что сохраняло первоначальную архитектонику формы, ее весомость и полноценность. Нарядная полихромная роспись «одевала» сергиевскую резную скульптуру, четко «договаривала» то, что лишь намечалось формой, пластикой, а то и вовсе отсутствовало в ней. В результате рождались чрезвычайно декоративные и содержательные произведения народного творчества, емкие, социально наполненные типы-образы. Созданные сергиевскими резчиками чопорные дамы в костюмах «ампир» и красавцы-гусары в щегольски наброшенных ментиках, лениво позирующие помещики и бойко снующие разносчики, вытянутые «во фрунт» солдатики и ханжески-смиренные монахи образуют коллекцию персонажей прошлого; своеобразную галерею представителей разных классов и сословий.

Не менее интересны и сергиевские игрушки из папье-маше: фигурки людей и животных, жанровые сценки с изображением городского и крестьянского быта, куклы «талии», «дитяшки», «матросики» и др. Их внешний вид во многом зависел от деревянных форм, или по-местному «болвашек», служивших рабочими моделями. Для их создания привлекались лучшие посадские резчики. Сохранившиеся резные формы представляют большой художественный интерес. Так, болвашка «Скрипач», выполненная в середине прошлого века безымянным сергиевским мастером, поражает почти «музыкальностью» линий и тонким выражением настроения. Скругленные объемы небольшой скульптуры удивительно пластичны и, мягко переходя один в другой, образуют цельную в своей завершенности пластическую композицию. Энергичные, ритмически расположенные порезки не просто обозначают одежду и ее складки, а, подобно сочным живописным мазкам, создают эффект жизни и движения формы. В лице скрипача с четко намеченными чертами где-то глубоко притаилась то ли грустная, то ли трагическая улыбка. Во всем столько совершенства и гармонии, что работу посадского резчика нельзя не назвать истинным шедевром народного искусства.

Однако даже при самом высоком художественном качестве болвашек игрушки из бумаги не могли повторить всех пластических нюансов и были лишены естественности, характерной для рукотворного творчества. Смекалка, фантазия, изобретательность выручили мастеров и в этом ремесле. Не случайно они использовали в игрушках из папьемаше цветастые обои, яркий ситец, золотую и серебряную фольгу, елочные бусы и даже крашеные перья. Вместе с росписью, иногда поспешной, но колоритной и живой, дополнительные материалы вносили в изделия из бумаги острый декоративный эффект, создавали затейливую «игру» фактур, сообщали им нарядность и красочность — пусть хрупкую и сиюминутную. Снабженные чрезвычайно простыми и одновременно оригинальными механизмами, составляющими особую область народной механики, фигурки из папье-маше приводились в движение и совершали условно-упрощенные, а потому выразительные движения. Забавные театральные «представления» сопровождало милое треньканье музыкального устройства, отдаленно напоминающего шарманку. Все это чудесным образом превращало мертвые и безликие вначале бумажные слепки в броские, зрелищные и занимательные игрушки. Органично вливались они в праздничную,

бесшабашную, раздольную суету русских базаров и ярмарок, соблазняли, интриговали покупателя и наивно-сентиментальными сценками-пасторалями, и диковинными нездешними образами в виде фантастических голубых львов, и сатирическими персонажами, вроде потешно раскланивающихся «дам» и «франтов», и грубовато-остроумными «оксюморонами» типа куклы-перевертыша, где зритель видит то «молодуху», то «старуху». Импонируя народному вкусу, сформировавшемуся в сложных городских условиях, сергиевские игрушки встречали у покупателей живой отклик, подобно тому, как находили в народе полное понимание и сочувствие балаганные представления, театр Петрушки, крашеные картинки, лубочный текст.

В конце XIX в. в Сергиевом Посаде начинают изготавливать новые типы игрушек. Среди них были и так называемые этнографические куклы, появившиеся в ответ на возросший в тот период интерес к русской старине и народной культуре. Одетые в костюмы различных уездов и губерний России, этнографические куклы привлекают внимание подробностью, почти документальностью в «пересказе» народной, а также исторической одежды. Не случайно они воспринимаются скорее маленькими манекенами, нежели предметами детской игры. Именно такого эффекта добивались, учитывая новые требования к игрушке как к познавательному средству, художники-профессионалы, по эскизам которых кукол одевали искусные сергиевские кустарихи-одевальщицы. Автором многих оригинальных образцов выступил Н. Д. Бартрам, будущий организатор музея игрушки и первый его директор. Куклы «Стрелец», «Боярин», «Думный боярин» и другие характеризуют его как талантливого художника-прикладника, прекрасно владевшего искусством композиции, умевшего эффектно выявить декоративные свойства материала.

Широкую славу русского национального сувенира тогда же прочно завоевала матрешка. Ее история связана с именем известного художника талашкинского круга С. Малютина, по эскизам которого в 90-е годы прошлого века была впервые создана расписная токарная кукла. Она изображала девочку в русском сарафане, круглолицую и ясноглазую, с гладкой прической, аккуратно «убранной» под нарядный платок. Внутри куклы, разъемной по конструкции, располагались другие фигурки, мал-мала меньше, в косоворотках, рубахах, поддевках и фартуках. В их нечетко выраженных «текучих» формах, изысканной голубовато-розовой гамме, тонкой графической прорисовке орнамента, сочетающихся с национальным образом, угадывается откровенная дань стилю модерн, характерному для искусства конца XIX — начала XX вв. Очень скоро создание матрешек оказалось той областью декоративно- прикладного искусства, в которой пробовали свои силы художники-профессионалы и где развернулись активные поиски интересных сюжетов литературных, этнографических, исторических. Период экспериментов наглядно демонстрируют показанные в экспозиции матрешки «Народы Севера», «Бояре», «Ревизор», «Старообрядка» и др. Одни из них отличаются чрезвычайно скромным оформлением, выполненным способом выжигания по чистому неокрашенному дереву, другие богатой декоративно-орнаментальной разработкой композиции, третьи живописной росписью, в которой имеются попытки дать светотеневую моделировку лица и костюма.

Став традиционным образом посадских мастеров, матрешка приобретает со временем чисто народный характер: ее форма словно наливается и становится весомее и плотнее, а роспись контрастной по цвету, нарядно-декоративной. Именно такой знают сегодня знаменитую загорскую матрешку — желанный сувенир для туристов, рукотворное украшение интерьера, занимательную детскую игрушку с сюрпризом.

Особое место в экспозиции отведено замечательным произведениям резчиков из деревни Богородское Московской области, которая находится в 30 км от Загорска. Искусство резьбы по дереву возникло здесь более 300 лет тому назад под непосредственным влиянием сергиевского промысла. Однако богородчане проявили стремление к собственному стилю и выработали свои традиции. Как и везде, ремесло осваивалось в рамках семьи, когда младшие перенимали секреты мастерства старших из

рук в руки. В живом непосредственном общении поколений происходил тайный, невидимый глазу процесс постижения богородского видения мира, легко и незаметно осваивались приемы так называемой маховой резьбы — без предварительных эскизов и рисунков.

Прекрасные образцы создали мастера 1-й половины прошлого столетия, когда многие из них отказались от услуг сергиевских «красил», расписывающих богородские изделия, и поверили в эффект нетронутого краской дерева. Произведения этого периода считаются классическими в русском народном искусстве. Совершенство их пластического языка, проверенного и отточенного творчеством многих поколений, породило значительные по смыслу и духу образы. Таковы «Дровосек», «Пряха», «Пляшущий крестьянин», «Крестьянин, играющий на скрипке». Это не просто житейские ситуации или деревенская хроника. Образы крестьян с их монументальными формами, большой внутренней сосредоточенностью и строгими лицами, напоминающими «лики» святых, достигают огромной эпической силы, олицетворяя собой две стороны крестьянской жизни — труд и праздник.

В конце XIX в. по разным причинам богородские мастера обращаются к лубочным образам, историческим темам и литературным мотивам. В результате появляются новые работы, которые носят несколько повествовательный, иллюстративный характер. Примером могут служить скульптурные композиции «Воевода», «Витязь», «Иван Грозный» и другие, отличающиеся обильной орнаментальной разработкой поверхности, чего практически не было ранее. Исконные местные традиции сохраняются в это время в дешевом товаре, вроде знаменитых кузнецов на планках.

В советское время старейший русский промысел обратился к богатому и сложному наследию прошлого, творчески осваивая и продолжая его. В этом смысле особенно интересна богородская игрушка, где современные мастера создают выразительные, полные теплоты и мягкого юмора образы, не оставляющие равнодушными ни детей, ни взрослых.

Интересную область народной художественной культуры составляют игрушки из глины, которые издавна бытовали по всей России. К XIX в. в разных ее районах исторически сложились отдельные промыслы со своим декоративно-изобразительным языком и образным строем.

Самобытны и оригинальны игрушки из деревни Гринево Каргопольского района Архангельской области. В приземистых женских фигурках с большим плоским лицом проступают черты языческой культовой пластики. Однако роспись, подвижная и чуткая к разного рода влияниям, превращает каргопольские игрушки в убедительные образы деревенских баб — жительниц русской северной деревни прошлого. В центре их расписных фартуков не случайно расположены то большой крест, то розетка — солнечные знаки, своеобразные идеограммы, связанные с древним культом солнца. Со временем эти графические изображения солнца, когда-то содержащие в себе особый смысл, не исчезли из народной памяти, а наполнились, как в данном случае, новым, чисто декоративным содержанием.

Не менее интересны и пластические творения народных мастериц из деревни Филимоново Тульской области. Издавна работали они с местной глиной «синикой», мягкой и жирной настолько, что изделия из нее при сушке деформируются под собственной тяжестью. Учитывая эти свойства материала, здешние мастерицы с удивительной интуицией находят довольно вытянутую кверху и постепенно убывающую форму, масса которой равномерно распределена по вертикали. Это придает филимоновским фигуркам не только оптимальную устойчивость и почти классическую стройность, но характерную выразительность и неповторимость. Загадочно, будто зная что-то неведомое человеку, смотрят на зрителя расписанные в зеленую, красную и желтую полоску звери с фантастическими удлиненными шеями и гордо вскинутыми

головками. В их пластической немногословности и замкнутости угадываются черты далекой архаики, присущей древним тотемным изображениям.

Определенным контрастом на фоне каргопольской и филимоновской игрушки смотрится игрушка дымковская, представленная в музейной экспозиции ее типичными сюжетами. Сказать точно, когда и почему возникло самое крупное в России производство глиняной игрушки в слободе Дымково близ Вятки (ныне г. Киров), сейчас весьма трудно. Известно, что особенно много игрушек лепили здесь к местному празднику. «Свистунья» или «Свистопляска», где полагалось свистеть в глиняную свистульку. Названный праздник можно рассматривать как позднюю реминисценцию древнего языческого ритуала в честь бога солнца Ярилы, который обязательно сопровождали шум и свист, «отгонявшие» злых духов. Отсюда и предположение, что история дымковской игрушки уходит в глубину веков. В целом же ее репертуар определен бытом провинциального городка, каким была в свое время старая Вятка. Об этом свидетельствуют и традиционные персонажи: нарядные барыни в юбках-кринолинах, дородные кормилицы с барчуками на руках, помещики в узких затянутых камзолах и высоких цилиндрах, жанровые сценки с изображением катания на лодке, танцев на лугу и т. д. Эти городские «светские» темы мастерицы издавна решали по-народному смело и декоративно, по-своему интерпретируя реальный типаж и костюм, в полную меру используя податливость материала, его готовность послушно следовать за рукой и волей ваятеля. Потому так полновесна, так мягка и округла дымковская игрушка. Глина буквально «играет» в ней: то свободно волнится по краям фартуков или кокошников, то закручивается в тугие завитки причесок, то затейливо гофрится рюшами на рукавах. Многоцветная роспись и кусочки сусального золота, украшающие глиняные фигурки, усиливают впечатление полноты праздника, щедрости. Все это дает право рассматривать дымковскую игрушку как яркий вариант народного творчества.

Таким образом, экспозиция и отдельные ее разделы позволяют представить в общих чертах историю развития русской народной игрушки. Одновременно коллекция музея дает полное и ясное представление о надежной и прочной основе коллективного творчества народа. В каждом произведении, представленном в ней, остро чувствуется здоровое мироощущение и мировосприятие народных мастеров, умение находить полноценные художественные эквиваленты житейским темам и ситуациям. Являясь полнокровной частицей русского фольклора, игрушка органично вливается в национальную культуру и представляет одну из ее ярких страниц.

Т. Г. Перевезенцева

Аннотация составлена 13.10.2019 г. В. Белко.